

Александр Солодянкин

Слободка – Лузановка: на море и обратно

Теплое летнее одесское утро. На дворе вторая половина шестидесятых. На трамвайной остановке у выезда из депо около дома быта, в обиходе называвшегося красивым словом «ателье», стоит огненно-рыжая женщина под пятьдесят с тремя мальчиками – десяти, пяти и трех лет. Это я с мамой и двумя племянниками ждем трамвая номер девять. С утра едем на море, чтобы к жару вернуться домой. Говорят, где-то есть послушные и усидчивые дети, которые могут тихо играть и спокойно ждать трамвая. Что ж, говорят... В общем, ждем.

Одноэтажное здание ателье становится на время ожидания крепостью, которую штурмует наш отряд. Казаки-разбойники – постоянные спутники детства. Ниндзя и прочие импортные герои еще не в обиходе. Днем в ателье, наверное, делали полезные вещи, улетучившиеся со временем. В памяти задержалась только новая для того времени услуга: зарядка за семь копеек использованных стержней для пастовых ручек. Мастер аккуратным движением выбивал шарик, насаживал на специальный штуцер пустую трубочку, за мгновение наполнявшуюся синей массой. Вероятно, для лучшей наполняемости местные умельцы «улучшали» ее состав. Повторно заправленные стержни потом нещадно мазали, что в конечном итоге стало одним из факторов, угробивших эту так и не ставшую популярной услугу населению.

Практически единственным положительным моментом соседства с трамвайным депо была возможность от дома доехать без пересадки в любую часть города, обслуживаемую слободскими трамваями. В данном случае мы обходились без двух пере-

садок: с пятнадцатого на тридцатый и с тридцатого на девятый (или седьмой). Это никак не перекрывало того сумасшедшего дома, творившегося с четырех утра до двух ночи от беспрестанного движения трамваев. Так что с паршивой овцы...

Мы ждем трамвая. До семидесятых годов, когда решили экономить на столбах и сближать колеи, трамвай на нашей улице (впрочем, на Перекопской Победы, нынешней Градоначальницкой, тоже) ходил по разные стороны от проезжей части. Сейчас такое симметричное расположение путей и симметричное восприятие улиц осталось разве что на Французском бульваре и Адмирала Лазарева. Впрочем, это самые малые архитектурные чудеса, случившиеся в нашем городе.

Наконец из депо вышел трамвай. Мама срочно собирает нас. Но это был не наш трамвай. Наш придет еще минут через десять. Войдя и поблагодарив водителя, мы отправляемся в путь. Особым шиком было попасть на трехвагонный поезд, сделанный в одесских вагоноремонтных мастерских. Собранные лет десять назад, они по своим пропорциям повторяли еще довоенные образцы. Детское восприятие: чем длиннее трамвай, тем дальше едем. До массового появления чешских трамваев оставалось совсем немного. В то время заканчивалась жизнь еще бельгийских трамваев, ходивших по Одессе с 1910-1913 годов. За долгие годы с узкой колеи их переделывали на широкую, на лето «раздевали», меняли кузов. А в последний путь, как корабли, на гвозди, они отправлялись по нашей улице. Последний подъем от моста до нашего дома преодолевался на малой скорости со специфическим гулом, мальчишки со двора успевали выйти на улицу посмотреть на чудо техники 1912 года.

Между тем, подъехав к улице Фрунзе (Балковской, которой вернули историческое название), вагон поворачивал в сторону Пересыпи. Для этого надо было проехать по мосту через сточную канаву, всегда бурлящую и источающую гнилостные запахи, выветривающиеся потом на протяжении четверти часа. Смотреть из окна вниз на бурный поток было страшно. Казалось, он возьмет и унесет нас с собой.

За одну остановку до пересыпских мостов жила тетя Сима, которая была замужем за бывшим папиным флотским сослуживцем

дядей Мишей. У них недавно установили домашний телефон. Это были единственные знакомые в городе с телефоном. 3-69-18, потом 3-71-18. Две копейки в таксофон у Спецмотобазы – и бывшие военморы договариваются о маевке на 2 мая или еще по какому-то поводу. По сравнению с нами (семь человек на две проходные комнаты) у них были хоромы: те же две комнаты, но на четверых. А после возвращения с плавпрактики с курсантами вышки, где после демобилизации работал дядя Миша, меня угощали диковинной ментоловой жевательной резинкой. Собственно говоря, в этой квартире я и познакомился со жвачкой.

По Фрунзе ходил последний узкоколейный трамвай тридцатого маршрута. Вагоны еще бельгийской компании. Последние годы жизни вагоны уже ходили без прицепов. Сил их таскать за более чем пятидесятилетнюю историю у них не осталось. Последний раз их видел в кинофильме «Один из нас», снятом на Мосфильме режиссером «Интервенции» Геннадием Полокой, влюбленным в Одессу. Практически без хода, вагоны были сняты около депо на Товарной. Так в Одессе закончился узкоколейный трамвай.

Если в сухую погоду на Фрунзе были пыль и запахи от канавы, то в дождь, особенно сильный, проехать там было большим искусством. Какие-то бревна, вывороченные из мостовой булыжники и прочие сюрпризы то тут, то там поджидали водителей. А иногородние шофера, не знавшие до того о существовании канавы, иногда узнавали о ней явочным порядком.

Вскоре трамвай прибывал к пересыпским мостам. Железнодорожная ветка на Сортировочную была еще в уровне земли, и иногда приходилось долго ждать у закрытого шлагбаума прохождения поездов.

Приехав на Московскую (нынешнюю Черноморского казачества), вагон заполнялся пассажирами и после короткой паузы отправлялся в путь. За первым поворотом у мельницы Вайнштейна, сколько раз мы бы там ни проезжали, я задавал маме один и тот же вопрос: «Покажи дом, где я родился». Сначала была показана моя малая родина – невзрачный дом номер двадцать два рядом с мельницей, а потом уже самая малая родина, через полтора квартала, роддом во Втором Заливном переулке. Много лет спустя по дороге в порт Южный всем своим коллегам-попутчикам

каждый раз показывал свою малую и самую малую родину. Мои постоянные попутчики сначала пытались меня уверить, что уже знают об этом. Но чувство родины было таким сильным, что я снова и снова рассказывал об этом.

После Красного сквера, у сахарного завода справа начиналась железнодорожная ветка, выход которой был у мясокомбината. Приближение мясокомбината сопровождалось жутким запахом. Трамвай на минимальной скорости буквально подскакивал на железнодорожных рельсах. Так что слева на железнодорожном шлагбауме успевал прочитать и улыбнуться от надписи: «Нормальное положение шлагбаума – закрытое». Улыбаюсь до сих пор.

Приехали на Ярмарочную площадь, где было кольцо шестого трамвая. На стыке семидесятых после ремонта изменилась нумерация маршрутов. Шестой трамвай продлили до Лузановки, где прежде заканчивался девятый маршрут. А девятому потом еще предстоял долгий путь до Центролита. Тогда этот маршрут, ныне именуемый первым, был самым длинным в Одессе. Кольцо трамвая номер семь по мере последующей застройки поселка Котовского несколько раз переносилось в сторону степи.

Ярмарочная площадь с небольшим базарчиком была там центром цивилизации. Весть о пожаре в зубодралке на Ярмарочной многими слободскими школьниками была воспринята как естественная расплата за причиненные страдания во время обязательной санации. На стадионе там тренировалась будущая звезда Леонид Буряк, о чем с восхищением рассказывали во дворе старшие пацаны. Как в воду глядели. Понятно, футболиста сперва описали словесно, а потом уже узнали и фамилию. Памятник герою с не очень героической и не очень правильной фамилией Плохой завершал восприятие этого района. Московская улица тут заканчивалась, трамвай еще раз переезжал железнодорожные пути и оказывался на дороге Котовского.

Там тогда начинались однопутные участки со множеством разъездов. К тому времени наше путешествие продолжалось около часа, и мои племянники, сыновья шофера, уже не могли усидеть на месте. Они бегали к кабине водителя и смотрели на работу трамвайных светофоров. Светофор представлял собой небольшую коробку, в которой в противоположные стороны

поочередно зажигались красные фонари, разрешая или запрещая движение в одном из направлений. Несложно было мне в десять лет понять схему работы: если на первом разъезде пропускаешь ты, то на следующем уже пропускают тебя. И так далее. Однопутные участки давно ушли в прошлое, за исключением одного на двадцать седьмом маршруте в Черноморке между четырнадцатой и пятнадцатой станциями. Об однопутных участках на этом и других маршрутах напоминают только непонятные сдвиги колеи посреди прямых отрезков пути.

Наконец закончился кабельный завод с цехом, перекрытым трофейными фермами, ранее служившими крышей ангара одного из немецких авиастроительных предприятий. Через минуту-другую собираемся выходить. Мы на море!

Засидевшиеся за час с лишним мальчишки бегом бегут сразу к воде. Разложившись на подстилке с обязательным «компотиком», мама начинает свой нелегкий труд массовика-затейника, матроса-спасателя и официанта-уборщицы в одном лице. Более десяти лет назад, посмотрев фильм «На море», я поймал себя на мысли, что мама с этой оравой так ни разу в море и не искупалась. Коня на скаку не останавливала, в горящую избу не входила, но справиться терпением и добротой со всеми тоже дорогого стоит.

Итак, море. Широкий песчаный пляж, отделенный маслинной аллеей от городского шума. Пространство между маслинами и трамвайной линией было заброшенной болотистой местностью, куда свозились грунт и мусор для образования территории. Существовала даже ветка грузового трамвая, по которой также завозились пригодные для этих целей отходы. Сколько уже десятилетий тому грузовой трамвай, выполнявший различные перевозки, канул в Лету! Самым экзотичным и запоминающимся был трамвай для перевозки скота. Почему экзотичным, думаю, понятно, а запоминающимся – потому что после его прохода около нашего дома эта мясокомбинатовская вонь далеко не сразу выветривалась из квартиры.

Обзор морского горизонта начинался с остова полузатопленного катера со стороны мыса Е, манящего попутествовать туда. К слову, лет через пятнадцать, по мере взросления, когда пришел черед реализации детских мечтаний и задумок,

я побывал и там тоже. Горизонт центрального сектора обзора с чистым небом перебивался силуэтами судов на рейде. А правый сектор с портом и центром города всегда был в дымке от производственных дымов. Ориентиры для наблюдения: маяк, крыша оперного, кирха и трубы ТЭЦ.

Прямо под ногами на урезе воды была тонкая дорожка из кусочков угля, перекатываемых волной. Большое количество пароходов, заходивших сюда в прошлом, еще долго давало о себе знать. Одним из любимых занятий было наблюдать за катерами, идущими из порта. Если в сторону Аркадии ходили маленькие катера, то по дороге в Лузановку можно было увидеть огромные (на то время) «Май» и «Старшину Приходченко». Время «Гринов» с именами побратимов Одессы и одесских пригородов еще не наступило.

Через пару часов солнце начинало припекать: нам время собираться домой. Чтобы ехать сидя – это вчетвером на двойном сидении – нам предстояла прогулка до катерного пирса, по главной аллее парка до конечной трамвая. Путь лежал по маслиновой аллее с обязательной дегустацией и шпурлянием косточками. Это была самая безобидная забава на то время.

Однажды около лодочной станции мы заметили экзотический автомобиль и множество софитов с кинокамерой. Песок нещадно жег пятки. На мой вопрос: «Зачем в солнечную погоду освещать песок?» – мама ответила: «Так надо для кино». Потом через год в телевизоре я узнал знакомое место и услышал классическую фразу про запуск Берлаги. До прочтения этой бессмертной книги оставалось еще лет десять.

Коснувшись кино, хочу вспомнить один эпизод. Отец племянников работал в такси. Одним жарким летним днем приехал на обед с сообщением: в Одессе снимают третью серию «Неуловимых», он познакомился с главными героями, и они нас ждут у себя через два часа. Мне было лет двенадцать. Сразу стал вопрос: большой мальчик – и в коротких штанах. Срочно надо найти длинные штаны. Отпущенные нам два часа ушли на то, чтобы отмыть, одеть и причесать нашу троицу.

Вот мы приехали в гостиницу на Дерибасовскую. Ребята жили втроем в очень скромном номере, где кроме кроватей был

абсолютный минимум мебели и места. Надо сказать, что общительные одесситы доставляли этим молодым хлопцам много хлопот, встречи с местными были постоянными. После короткой беседы зять предложил показать город. Запомнилась картина: из гостиницы выходят «Неуловимые», держа каждого из нас за руку, людской поток на Дерибасовской расступается. Молодые звезды запомнились простыми хорошими парнями. Но это будет еще только через несколько лет. В детстве каждый год кажется огромной величиной. Эти ребята, которые старше меня на пять-семь лет, казались очень взрослыми. Правда, моя сестра, которой тогда было двадцать восемь, представлялась мне если не старухой, то точно женщиной предпенсионного возраста.

А пока мы ждем трамвая домой. Мама подходит к водителю каждого подходящего вагона с одним и тем же вопросом: «Едет ли он в депо?». Иногда ожидание затягивалось до получаса, но всегда мы ехали прямо домой без пересадок.

Дорога домой всегда казалась короче. Часть молодого задора племянников осталась на пляже. Мама, наученная походами племянников в кабину водителя, надежно перекрыла выход с двойного сиденья.

Жевахова гора, нависающая справа со стороны берега. Труба, выходящая из земли и причудливо изгибающаяся в сторону моря. Во взрослой жизни это было одно из тихих уютных мест, несмотря на полное отсутствие какого-либо комфорта и цивилизации. Это просто Труба. Поворот на Зерновой. Тогда еще с едва заметными следами давно разобранного кольца, где трамвай ходил еще с дореволюционных времен на Куяльник. Ярмарочная. Малая и очень малая родина. Трамвайная развилка по дороге в депо на Деда Трофима (сейчас – Церковной) с опустевшим ныне Казанским базарчиком и мебельным магазином в помещении храма Казанской иконы Божьей матери, сейчас возвращенного верующим. После короткой остановки у сто тринадцатой школы и высадки основной части пассажиров переездом через железнодорожные пути начинался путь в депо. С этого момента водитель трамвая уже торопился домой, и остаток пути трамвай быстро пролетал – ко всеобщему удовольствию.

Через много лет по этому маршруту начали пускать летний двадцать второй трамвай. Но он уже возит других любителей моря. Да и море стало другим. Со множеством гастрономических и разных прочих удовольствий. А для меня эти поездки – как память о маме, которой, как сейчас понимаешь, за суетой не успел задать множество вопросов. А мамы для каждого всегда самые лучшие.

Моя Слободка...

Лузановка...

Трамваи, катера, которые мы принимали за корабли...

Еще то кино...

Без вас – все чужое...

С вами – у меня все...

